

Война и Россия

Блюхер Ф.Н., Институт философии РАН
blukher@iph.ras.ru

Аннотация: В статье рассматривается механизм возникновения мифа о военной истории русского народа, о создании Российской империи как своеобразной военной машины и о внутренних противоречиях мифа, которые, в конечном счете, привели к Февральской революции и крушению империи.

Ключевые слова: категории, философия истории, война, создание мифологии, русский народ

«Война - зло», фраза с которой согласны все, за исключением Бертрана де Борна, но вся история человечества есть одновременно и история войн. Значит, это то Зло, которое неотделимо от своей противоположности - Блага. Остается только понять, каким образом стремление к Благу порождает Зло.

Благом для любого сообщества является защита себя и потребление. Социум обеспечивает индивиду защиту в рамках самозащиты своего социума: семьи, рода, племени, в конечном счете, государства от чужого, и потребление, если не за счет собственного производства, то за счет другого социума. «Чужой», от которого нужно защищаться, или «другой», которого используют для потребления, в принципе, не учитывается как члены социума и лишается статуса человека.

Наращивание потребления происходит либо за счет роста производительности труда или расширения рынка, либо за счет нападения на другой социум с целью добычи для потребления: пропитания, женщин, рабов, сокровищ и всего, что делает твою социальность сильной. Понятно, что сила социальности совпадает для индивида с Благом. Оставим пока «защиту» против «Чужого», которая является основой «справедливой войны». Рассмотрим чистый случай Войны — нападение с целью добычи.

Каждый из индивидов, будучи рациональным существом, как-то оценивает свою жизнь; допустим, в качестве условной единицы он выбирает астрономические годы, условно рассчитывая дожить в полном расцвете сил до 50 лет. При этом он считает и те блага, которые собирается за эти 50 лет получить: любимую жену, интересные развлечения, определенный уровень потребления семьи, - но все это при определенном уровне личной безопасности. Конечно, он понимает, что за все нужно платить, и в качестве такого платежного инструмента он использует расчет своей будущей жизни. Поэтому каждого взрослого свободного мужчину в возрасте 18 лет можно рассматривать как инвестора, располагающего капиталом, - примерно 30 лет своей будущей жизни, - и готового вложить его в предприятие, которое принесет ему искомые дивиденды.

Предположим, что расчет, который предполагает необходимость потратить на вложения более половины отпущенного вам срока жизни, делает весь ваш «бизнес-план» бессмысленным. Поэтому верхней границей вложений будем считать 15 лет. Ясно, что чем меньше вам нужно потратить сил на приобретение добычи, тем лучше, но если бы добыча доставалась очень легко, то этим бы занимались все. Достаточно вспомнить случаи массовых психозов в виде «золотой лихорадки» или «системы Лоу». Поэтому минимальная единица

времени, которую может вложить инвестор должна исчисляться несколькими годами, включая сюда обучение ремеслу, лечение от ран, нахождение оптимальных способов конвертации полученной прибыли. Итак, у нас получается, что период воинской службы в расчете на грядущую добычу должен составлять от 3 - 5 до 15 лет.

Для обучения необходимы старослужащие или ветераны, которые рассчитывают, по крайней мере, на трехкратное обогащение. Условно увеличиваем их срок службы от минимального вдвое. Но и довольствующиеся одноразовой добычей, и старослужащие не являются профессиональными воинами. В войне их интересует только добыча, и война рассматривается ими как временный способ получения благ, поэтому мы должны внести еще две градации в наши расчеты. Первую - для людей, которые решили стать профессиональными военными (офицерами) и перейти в другой социальный статус; вторую - для сержантов (капралов, унтер-офицеров), профессиональных солдат, получающих основной доход не от конвертации добычи, а от службы в армии без изменения своего социального статуса. Поставим верхнюю границу нашей шкалы для людей, готовых отдать половину своей активной жизни за смену своего социального статуса, а в промежутке между градацией старослужащих и офицеров вставим сержантов. В результате мы получаем следующую временную сетку годовых вложений в военную деятельность в расчете на получение оптимальной прибыли: 4 (+, - год) — 8 (+, - год) — 12 (+, - год) — 16 (+, - год).

Теперь нам нужно понять, при каких условиях данные рациональные соображения могут быть реализованы. Первым и самым главным из условий является относительная безопасность участников военного «акционерного общества», так как стопроцентная безопасность на войне невозможна, то риски должны считаться в условных потерях. Добыча достается в результате победы, поэтому потери 1:1 не могут рассматриваться как удовлетворяющее воинов условие. Успешной можно считать победу над противником, потери которого в несколько раз выше. Согласно европейской военной традиции децимации, наиболее успешным считается десятикратное и выше соотношение потерь в захватнической войне.

Наконец, добыча. Учитывая ранее приведенную годовую структуру армейской службы, добыча простого солдата должна как минимум в 3 - 4 раза превосходить то, что он может получить в других условиях, если не будет участвовать походе за военной добычей. Целью же старослужащего является решение всех жизненных проблем, которые он готов оплатить своим дополнительным сроком. Условно говоря, 7 - 9 лет службы должны обеспечить его на всю оставшуюся жизнь при неизменном уровне потребления и социальном статусе. Захватническая война должна быть выгодной, поэтому либо противник, с которым ведутся военные действия, должен быть богат, либо государство, ведущее захватническую войну, должно располагать значительными средствами, чтобы платить своим солдатам.

Когда перечисленные нами формальные условия появляются, захватническая война чаще всего становится неизбежной. Первыми европейскими войнами нефеодалного типа считаются Итальянские войны 16 в.. Первыми добровольческо-профессиональными военными отрядами считаются испанские терции¹, которые не знают поражений в европейских войнах до битвы при Рокруа в 1643 г., т.е. в течение без малого 150 лет. Профессиональная структура терции (новобранцы, старослужащие, сержанты и капитан) в целом соответствует приведенной нами схеме.

Битвы при Чериньоле (1503), Гарильяно (1503), Павии (1525), Йемгуме (1568), Белой горе (1620) и другие чаще всего выигрывались испанскими терциями с 10 или 20-кратным

1 О терциях см.: Википедию https://ru.wikipedia.org/wiki/D0%A2%D0%B5%D1%80%D1%86%D0%B8%D1%8F_%28%D1%81%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B9%29. Дата последнего обращения: 20.05.2015

превосходством в соотношении потерь. В чисто захватнической войне, в тех же Итальянских войнах, эти военные соединения не знают себе равных. Не зря битва при Павии считается поворотным сражением, знаменующим собой окончание феодально-наемнического типа войны. Однако использование терции в «полицейской операции», при которой основные расходы несет имперская корона, оцениваются не столь однозначно.

Жалование простого солдата обходится короне в 4 скудо в день, в год получается 1460 скудо, условно, с премиальными, постоянными и другими - 1500. Много это или мало? Расходы Сицилии в 1546 г. составили 166000, а в 1573 г. - 211032² скудо, т.е. примерно, в среднем весь остров тратит 200000 скудо в год. На весь бюджет довольно большого острова, когда-то самостоятельного королевства, можно нанять в год примерно 140 воинов³. Учитывая, что в одной терции 3000 воинов, можно себе представить, во сколько обходится короне содержание воинского контингента в восставших Нидерландах. В начале восьмидесятилетней войны в 1568 г. герцог Альба на содержание 10000 войска тратит в год 1873000 флоринов. Содержание Фландрской армии в 1574 г. обходится испанской казне уже в 1200000 флоринов в месяц, что, в конечном счете, несмотря на все доходы от американских колоний, приводит к банкротству Испании в 1575 г.

Что же такое в военном плане организация испанской терции? 3000 человек разделены на 10 капитаний по 300 человек каждая, «8 из них были укомплектованы пикинерами, 2 аркебузирами и мушкетёрами»⁴. Все вооружены короткими испанскими мечами, которые являются скорее подсобным оружием. Главное оружие - большие пики, которые мы можем видеть на картине Веласкеса «Сдача Бреды». Эти пики удерживают конницу и пехоту врага на расстоянии, достаточном для поражения противника из примитивного огнестрельного оружия, которое было в распоряжении воинов в 16 - 17 вв. Именно в тактике совместной строевой военной деятельности сила и слабость терции. Аркебузиры недоступны для противника, пока пикенеры держат его на расстоянии длины своих пик, но если строй терции прорывается, гибнет чаще всего все воинское соединение. В ближнем единоборстве и аркебузы, и длинные пики по большей части неэффективны. Поэтому совместные строевые действия являются не только залогом побед, но и способом выживания такого воинского соединения.

Теперь мы вернемся к знаменитой фразе К. Клаузевица: «война есть продолжение политики, только иными средствами»⁵, в которой речь идет о том, что цель войны всегда задает политика, а сама война есть лишь средство для достижения данной цели. Однако в трудах Клаузевица речь идет о войне между двумя государствами, мы же хотим взглянуть на это определение с точки зрения социальной политики одного государства. При этом мы согласны, что войны ведут государства, иначе любое единоборство, даже спортивное можно посчитать войной. Но всегда ли цель войны лежит во внешней политике?

Здесь важно уточнить, как мы понимаем политику. Политика становится возможной, когда властные отношения (в социуме) уже установились. Политика относится не только к государству, но и к любому социальному институту. Так, говоря о корпорации, семейном бюджете, мы вполне обоснованно можем употребить слово «политика». Чтобы социум мог

2 Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. М., 2003. Т. 2. С. 259.

3 Даже если мы учтем знаменитую 3-кратную инфляцию 16 в. и умножим число солдат в 3 раза, то получившиеся число в 420 воинов все равно незначительно по отношению к сумме трат на все нужды большой испанской провинции.

4 См.: Статью в Википедии: <https://ru.wikipedia.org/wiki/D0%A2%D0%B5%D1%80%D1%86%D0%B8%D1%8F%28%D1%81%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B9%29> Дата последнего обращения 20.05.2015

5 См.: Клаузевиц К. О войне. <http://militera.lib.ru/science/clausewitz/01.html>. Дата последнего обращения: 20.05.2015

существовать, воспроизводя себя в настоящем, достаточно только элементарного правового регламента. Там, где возникает будущее, т.е. там, где члены социума должны договориться о совместном будущем, – возникает политика. По существу, политика – это борьба (социума) за свое будущее.

Королевство Наварра, герцогство Савойское, герцогство Курляндия, Крымское ханство, эмират Алеппо, Маньчжурское государство, заботясь исключительно о Благе своих граждан, для их защиты создают военные машины. Однако, если эта машина оказывается эффективной (рационально устроенной, безопасной и выгодной), то у государства появляется возможность вести захватническую войну до тех пор, пока оно, расширяясь в захватнических войнах, не сталкивается с равной ей или превосходящей ее по эффективности другой военной машиной. В этот момент в отдельных случаях естественное соотношение, при котором государство рассматривается как функция развития страны («государство, заботясь о Благе граждан», ведет войну «чтобы обезоружить противника, лишить его возможности продолжать борьбу»⁶) переворачивается. Война, как одно из средств политики государства, становится необходимым условием существования социума. Возникает политика военного строительства, при помощи которой государство начинает перестраивать страну в расчете на будущие войны. Все эффективные военные машины Нового времени, начиная с испанских терций и шведских бригад до современных армий, требуют безусловного подчинения индивидуума военной организации, узкой военной специализации, замены личностных этических качеств корпоративной солидарностью или патриотизмом. Так, государство через возможную будущую войну с превосходящим противником по существу перестраивает свой собственный природный элемент – страну, в которой люди живут естественной природной жизнью.

Этот социальный алгоритм (1. защита, 2. создание армии, 3. захватническая война, 4. столкновение с серьезным соперником, 5. перестройка страны под будущую войну) не всегда действует в полном объеме. Перечисленные нами выше государства в свое время с помощью создания профессиональных армий добивались выдающихся военных успехов, однако ни одно из них не сохранилось в настоящее время как государство. Они не смогли пройти четвертую стадию. Некоторые государства, например Испания и Речь Посполитая смогли перейти к пятой стадии и перестроить хозяйство страны для функционирования военной машины, но не вынесли бремени финансовых расходов и, в конечном счете, утратили свою политическую суверенность. Но в современном мире существует несколько государств, которые смогли в полной мере в своем историческом развитии реализовать данную модель. Одним из них является Россия. Это не означает, что мы даем положительную оценку результатам этого развития, скорее мы констатируем некоторые особенности исторического развития русского государства, без которых сложно понять культурные константы русского социума.

Жизнь в условиях монголо-татарского ига настоятельно требовала защиты русского населения от иноземных захватчиков. Эта задача начала решаться созданием профессиональной армии в условиях межкняжеской войны в середине 15 в. и завершилась при Иване III. Третий этап — захватнические войны – приходится на время Василия III и Ивана IV. Этот этап заканчивается столкновением в Ливонской войне с противником, одолеть которого при помощи существующей армии было невозможно. После катастрофы «смутного времени» в течении всего 17 в. русское государство начинает заимствовать элементы европейского военного искусства, которое помогает ей вести успешные войны на периферии своей территории. Наконец, Петр I в полном объеме осуществляет пятый этап обозначенного нами алгоритма, создавая армию и флот, способные решать общеевропейские задачи, подчинив данной цели все социально-экономическое развитие страны. В течении 18 и 19 вв. данная

6 См.: там же.

программа осуществляется в полной мере, что и позволяет Александру III произнести свою знаменитую фразу об эксклюзивных союзниках России.⁷

Однако данная схема вовсе не свидетельствует ни о природной воинственности русского народа, ни о приемлемых условиях для армейской службы, созданных русской государственностью. Скорее наоборот. Качественные характеристики русской армии хорошо, хотя и немного предвзято, описаны Ф. Энгельсом в работе «Армии Европы». Русский солдат вынослив, но не инициативен, воюет строго по приказу и хорош только в обороне⁸. Однако, как это ни странно при особенностях военной тактики 18 — 19 вв. такие качества русских солдат позволяли использовать их в войне достаточно эффективно. Обозначенные нами выше условия, при которых может возникнуть эффективная военная машина (рациональность выбора, безопасность и выгода) здесь в целом соблюдены. Просто нужно понимать, что реалии, при которых эти условия соблюдаются в Западной Европе и России, могли быть принципиально разные.

Безусловно, сам факт рекрутского набор на 25 — 20 лет для городского жителя Европы звучал как приговор суда к тюрьме, но не следует забывать, что русский солдат до рекрутского выбора чаще всего был крепостным, т.е. не свободным. Как только на него падал рекрутский жребий, он и его семья тут же переходили в служивое сословие и автоматически освобождались от крепостной зависимости. По существу, самым фактом своей службой в армии солдат и вся его семья переходил в иной, более высокий социальный статус. О том, что государство в данном случае «продешевило», свидетельствуют повторяющиеся в течение обоих веков попытки приобщить к обязательной службе солдатских детей.

Выгода. Учитывая первоначальный нищенский уровень цивилизованной жизни сельского россиянина (грамотность, профессиональность, социальные гарантии, социальную перспективу), сама служба в армии открывала ему дорогу в новый мир «европейской» цивилизованности и, по существу, к «барской жизни», как ее видел крепостной крестьянин. И хотя пенсия нижним чинам полагалась всего 36 руб. в год, она позволяла отставному солдату существовать в разряде разночинца, подрабатывая мастерством или учительством грамотности, которые он приобретал во время службы.

7 «Во всем свете у нас только два верных союзника, наша армия и флот».

8 См.: Энгельс Ф. Армии Европы. https://www.marxists.org/russkij/marx/1880/mil/eur_ru.htm
«Русские солдаты являются одними из самых храбрых в Европе. Их упорство равно упорству английских и некоторых австрийских батальонов. ... Каре русской пехоты сопротивлялось и сражалось рукопашную долгое время после того, как кавалерия прорвалась через него, и всегда легче было русских расстрелять, чем заставить бежать обратно. ... Они «недоступны панике». Кроме того, русский солдат хорошо сложен, здоров, прекрасный ходок, крайне нетребователен в пище и питье, питаясь кое-чем, и более послушен своим офицерам, чем какой-либо другой солдат в мире. И все же русской армии не приходится много хвастаться. За все время существования России русские еще не выиграли ни одной битвы против немцев, французов, поляков или англичан, не превосходя их значительно своим числом. Даже при перевесе сил они всегда были биты другими армиями, исключая пруссаков и турок, но при Четати и Силистрии турки победили русских, хотя численно были слабее. Кроме всяких прочих недостатков, русские солдаты — самые неуклюжие во всем мире. Они не годятся ни для легкой пехоты, ни для легкой кавалерии. ... Что касается регулярных войск, пехоты и кавалерии, они не способны к легкому стрелковому бою. Русские, отличаясь подражательностью во всем, сделают, что им приказано или к чему их понуждают, но они наверняка не выполнят дела, если им приходится действовать на свою собственную ответственность. И действительно, последнего качества трудно ожидать от тех, кто никогда не был знаком с ответственностью и кто с одинаковой покорностью пойдет, если ему будет приказано, качать воду или сечь своего товарища.... Что ему нужно, это — команда, ясная, отчетливая команда, — и если он ее не получает, тогда он, хотя, может быть, и не обратится в бегство, но и не пойдет вперед, не сумеет действовать собственным умом».

Основные проблемы при службе в русской армии были связаны с безопасностью. Технологическая отсталость российской промышленности и как следствие техническая вторичность (по сравнению с европейскими) вооружений в Российской армии приводили к тому, что решительного превосходства при подсчетах потерь, по крайней мере, в европейских войнах Россия никогда не имела. Более того, даже войны с технически более примитивными восточными армиями иногда проходили без существенного превосходства по потерям. Именно из этого пункта, как нам представляется, возникают две особенности поведения солдата в русской армии, отмеченной сторонними наблюдателями: чрезмерная жестокость и добровольная коллективная сдача в плен. Сами по себе обе эти особенности кажутся противоречивыми. Но все становится на свои места, когда понимаешь, что данные приемы обеспечения безопасности применялись на разных фронтах. Жестокость чаще всего имела место в восточных и южных войнах империи, где местное население (крымские татары, кавказские горцы, турки и т. п.) было настроено враждебно и вело перманентную религиозно-партизанскую войну.⁹ Добровольная коллективная сдача в плен практиковалась солдатами в «европейских» войнах. Так, Тихон Фаддеев описывает сдачу в плен незначительному количеству неприятеля двух рот 221 пехотного Рославльского полка 30 октября 1914 г. Как мы понимаем, никакой глобальной военной катастрофы еще не произошло, даже военные действия ведутся в Восточной Пруссии, но хватает 3 месяцев войны и одного отступления, чтобы «над окопами поднималась белая тряпка и солдаты гурьбой шли в плен»¹⁰.

Создание Российской империи как военной машины и подчинение ей природной жизни страны оказало существенное влияние на ментальные характеристики русского народа. Так называемые «духовные скрепы» чаще всего имеют прямой или скрытый военный смысл: «сам погибай, а товарища выручай», «русские не сдаются», «русские своих не бросают» и т.п. Дворянский кодекс чести, ставший через русскую литературу и всеобщее образование достоянием образованного городского населения Российской Федерации, в глубинных основаниях противоположен этике буржуазного индивидуализма городского жителя Западной Европы. Любопытно, что безусловными положительными характеристиками в нем обладает не только «служба государству», но и определенная «внутрикорпоративная солидарность», закрывающая объективную оценку несения этой службы от «необразованного (читай гражданского) общества».

И, наконец, пожалуй, самое главное. В силу исторического случая основные успехи и предметы национальной гордости России связаны с крупными победами русской армии над сильными противниками, вторгавшимися на территорию России. Битва на Куликовом поле, Полтавская битва, вторжение Наполеона, Великая Отечественная война — во всех этих войнах «враги нападали на Россию», во всех «целью этого нападения было уничтожение страны и ее населения», во всех «победа доставалась чрезвычайным напряжением сил». Безусловно, в большинстве случаев полный набор приведенных характеристик не соответствовал действительности, но миф о Полтавской речи Петра, в которой он говорит, что эта битва «не... за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за народ всероссийский» возник в уже 18 в.¹¹ А так как все эти сражения были оборонительные, и их целью являлась защита страны, то и войны автоматически приобретали характеристики «справедливых и народных».

9 Пражская резня устроенная русскими войсками, вопреки приказа командующего компанией Суворова при взятии пригорода Варшавы в 1794 году может быть объяснена логикой ответной мести солдат за «варшавскую заутреню», когда жители восставшей Варшавы ранним пасхальным утром перебили 2000 ничего не подозревающих расквартированных в городе рядовых русских солдат.

10 Фаддеев Тихон. Воспоминания о войне. 1914 — 1915 годы. М., 2014. С.64.

11 Миф об этой речи окончательно формирует культ защиты Российского государства как основной цели политики развития страны. См.: Нун Ингульфром, Клаудио Серхио. Историографический

Миф о «справедливой, народной войне» - это нечто большее, чем идеология, если можно так сказать, - это культурный код русского народа. Кто такие русские? Бедные, ленивые, выпивающие, но добрые и сердечные люди, которым не очень повезло с погодой и местом проживания, и цивилизация у них отсталая, и государство — мягко сказать, неудовлетворительное. И как-то даже непонятно, зачем они здесь и в чем смысл их существования. Но все это ровно до того момента, когда «Чужой» собирается на нас напасть. Так как мы точно знаем, что ничего хорошего у нас, нет кроме воли, женщин, земли, лесов, нефти и газа и других полезных ископаемых, - значит «Чужой» собирается у нас это все отнять, а нас самих уничтожить. И в этот момент срабатывает наш архетип. Так было всегда, но мы никогда не сдавались и всегда побеждали, потому что «мы — русские».

Казалось бы, после Цусимы и военной катастрофы Первой мировой войны данная мифология, вместе с породившей ее страной, канула в Лету. По крайней мере, все войны СССР до Великой Отечественной проходили с другим идеологическим обоснованием. Возвращение «русских» в идеологический арсенал происходит в конце тридцатых — сороковых годов, в квази-идеологической форме. Нельзя наивно думать, что Сталин восстанавливал патриаршество в качестве реальной духовной опоры своего политического режима. И патриаршество, и тост за русский народ, и противопоставление русских «безродным космополитам» — ноты из совсем другого музыкального произведения. «Сталинское государство» никогда не было исключительно военной машиной, скорее уж полицейской. Разница между этими двумя механизмами заключалась в том, что целью имперской машины была внешняя политика, а внутренняя политика служила целям внешней. Сталин же строил социализм в «одной, отдельно взятой стране», и этой цели по крайней мере до 1945 года были подчинены такие инструмент внешней политики государства как армия. Служба в органах, даже простым шофером или лифтером, была более престижной, чем прапорщиком в рядах советской армии. Поэтому армия, в лице генералитета, и приняла активное участие в аресте Л. Берии и разрушении «сталинской модели управления». На более чем сорок лет «русский миф» был забыт. Не считать же реальностью возню московских литературных кружков, пусть даже и отмеченную на страницах второстепенной партийной печати.

Но, прежде чем разобраться с современностью, мы должны вернуться в 16—17 века и понять, в чем причина русских побед. Независимо от Гонсало Фернандеса де Кордовы, московские воеводы изобрели очень похожую тактику боя — наступательную оборону. При помощи лодок, как это сделал Ермак, или «Гуляй-города», как князь Д.И. Хворостинин в битве при Молодях¹², не допускалась до непосредственного контакта более эффективная в единоборстве татарская конница, и она же уничтожалась на расстоянии достаточно примитивным, но массовым огнестрельным оружием. Сила русского солдата 16-17 веков, казака или стрельца — в тактически грамотном использовании огнестрельного оружия, что убедительно продемонстрировал первый генерал-поручик русской армии Николай Бауман, превратив проигрыш под Конотопом в победные арьергардные бои при отступлении основных сил русских к Путивлю. Этот солдат — не дворянин, он — мещанин, но не совсем свободный, а связанный условиями службы. Но если со стрельцами все более или менее ясно, что же держит на русской службе казака, человека бежавшего от неволи на Дон, Урал и даже за Камень? Одним из продуктов, привязывающих вольных людей к царскому престолу, был порох, а если

миф о верности государству при Петре Великом. Опыт применения Begriffsgeschichte к русской истории // Эволюция понятий в свете истории русской культуры / Отв. ред. В.М. Живов, Ю.В. Кагарлицкий. М., 2012. С. 252 - 278.

12 Скрынников Р.Г. На страже московских рубежей. М., 1986. - С.47-49

быть точнее — пороха.¹³ Уже при Иване Грозном пороховые заводы Московского царства изготавливали 300 тонн пороха в год.

Еще раз отметим эту особенность русского война. Не дворянин, но формально служивый или формально свободный, но бедный человек добиваются военной победы над более профессионально обученным, обеспеченным, да и просто воинственным противником за счет оружия, которое он получает благодаря или службе, или союзу с Государством, к профессиональным слугам которого он может испытывать чувства сословной неприязни. Именно эта противоречивая позиция и находит отражение в русской мифологии войны.

Первый пласт русского мифа описывает войну как данность. «Напали враги на землю русскую», или Швейцарский поход А.В. Суворова - «апофеоз побед русского оружия», или «дело было во время Финской войны», если же какая-то война по каким-то причинам оценивается русскими неоднозначно, то она просто исчезает из упоминаний и тем стирается из памяти, например: взятие А.В. Суворовым в 1794 году пригорода Варшавы «Праги» или участие русских войск в подавлении венгерского восстания 1848 года. Целью любой войны и ее смыслом является Победа. Прежде всего потому, что с Победой заканчивается война, а война для русского не профессия, а служба, которую нужно нести исправно, но без излишнего усердия. «Служба есть служба». Возникает культ Победы, который требует истории Большой Войны. Так турецкие войны 18 века мифологией через походы Крымских татар связываются с борьбой против Орды и возникает как бы одна Большая война против Бусурман. Итальянские походы Суворова отрываются от антифранцузской коалиции и рассматриваются отдельно, а война с Наполеоном начинается поражением под Аустерлицем и заканчивается взятием Парижа, что также составляет одну Большую войну, — то что во время этой войны заключается мир и даже союзнические отношения с Францией исчезает из мифологического пространства. Наконец, в народной памяти отсутствуют два года от начала II мировой войны до 22 июня 1941 года, точнее, на них распространяется память Большого террора, и одна отрицательная оценка как бы нивелирует собой другую.

Но миф не просто описывает «реальность», он должен соотнести ее с нами, объяснить при помощи существовавшего положения дел нашу прошлую или будущую историю. Так внутри Большой войны возникает миф о Малой войне. Это - миф о людях, которые вместе с тобой рискуют жизнью ради Отчизны, о войсковом братстве, в котором нет места «этим сволочам», об обыденности смерти, которая забирает лучших, о врагах, которые «нелюди». В Большой войне величие Победы искупает неисчислимые потери, понесенные народом, в Малой возникает «настоящая история» народа, которого заставили воевать против его воли, в силу обстоятельств, коварно напад на добрых, невольных в своих действиях и в глубине души мирных людей. И вообще все войны начинали татары, немцы, поляки, шведы, турки, французы, англичане а мы просто несем службу или исполняем интернациональный долг. Но именно в таких нечеловеческих условиях и возникает «настоящая мужская» дружба, обнажается истинная сущность человека, и ты непосредственно видишь «в чем Правда, и кто истинное Зло». Никаких иных разъяснений, умствований или рассуждений не нужно, они не только излишние, но даже вредны. Суд, который решает, где Правда, а где Ложь, что такое Добро и Зло, и в конечном счете, жизнь или смерть происходит в Окопе.

Пока непосредственной войны не происходит, мифы о Большой и Малой войне существуют параллельно, в силу того, что те, для кого они предназначены, - государственные служащие и крестьяне, мелкие лавочники, разнорабочие, - в реальности так же существуют в

13 Составы дымного пороха этого времени, применявшихся в России, были: для ручного оружия - 60% селитры, 20% серы и 20% угля, для малокалиберных орудий - 56% селитры, 22% серы и 22% угля; для крупнокалиберных орудий - 57% селитры, 14% серы и 29% угля.

параллельных мирах. В мифе о Большой войне возникает образ Родины, против которой коварный коллективный Запад плетет интриги.¹⁴ Меняется только направление интриг, и роль главного интригана переходит от одной западной державы к другой, пока в конечном счете не выливается в идиоме: «англичанка гадит». Но так как цари меняются, а интриги остаются, возникает идея, что Запад противостоит не конкретному Царю, а чему-то другому, более постоянному - России. Постепенно Родина в мифологии заменяет собой образ Царя, а фраза «государь, сделайте меня немцем» свидетельствует о том, что впервые на авансцене появляются не православные, не государевы слуги, а «русские». Но эти «русские» существуют в рамках мифа о Большой войне. Именно для них Александр I издает указ от 28 февраля 1816 года о переводе Библии на русский язык. «Многие из россиян, по свойству полученного ими воспитания, были удалены от знания древнего словенского наречия, не без крайнего затруднения могут употреблять издаваемые для них на сем единственно наречии священные книги, так что некоторые в сем случае прибегают к пособию иностранных переводов», то есть читали Библию на иностранных языках.¹⁵ Итак, в рамках первого мифа «русские» - дворяне, образованные служащие, деятели земского движения, промышленники, интеллигенция, то есть «господа», которые, вне зависимости от национальности и вероисповедания, служат России, потому что она их Родина.

Но в мифе о Малой войне происходит не менее интересная трансформация. Практика освобождения рекрутов от крепостной зависимости, а в случае удачной военной карьеры - и получение личного дворянства, связывает армейскую службу с образом Воли. Однако эта Воля существенно зависела от той самой окопной Правды, о которой мы говорили выше, потому что русская «Воля» - не анархия, но и не индивидуальная свобода гражданина. И «анархисты», и «наивные идеалисты» гибнут в первом бою, если не в прямом смысле слова, то уж точно в психологическом. В понятии «Воля» содержится и очень простой смысл — желание. «По щучьему велению, по моему хотению», мое желание - причина неизбежных событий. Поэтому «наша Воля» это — коллективно принятая самими непосредственными участниками события стратегия поведения, обеспечивающая максимально удобный результат для членов коллектива. Здесь важно подчеркнуть, что результат не «выгодный», а «удобный». Выгода может быть получена через какое-то время и рассчитывается в рамках длительной деятельности, она должна учитывать разницу в индивидуальном участии, а «удобный» - это доступный здесь и сейчас всем в одинаковой мере. При этом «русские» - это те, кто с нами, а малороссы ли они, чухонцы ли, татары или немцы - безразлично. А вот если во время этого коллективного принятия решения кто-то заявляет, что он против, потому что ему не выгодно, или потому что ему религия не позволяет, или потому что ему стыдно, то он в лучшем случае «черт нерусский», а в худшем «Чужой».

Но вот начинается война, и два мифа должны найти точки пересечения или хотя бы взаимной поддержки. Решение этой задачи через поиск точек пересечения :выливается в формулу «слуга царю, отец солдатам» и в миф об аскетизме и личной заботе о солдатском быте фельдмаршала Суворова, что скорее всего могло быть следствием первой военной профессии

14 Для такого взгляда были предпосылки. Из письма графа де Брольи, члена секретного совета Франции: «Что до России, то мы причисляем ее к рангу европейских держав только затем, чтобы исключить потом из этого ранга и отказать ей даже в праве помышлять о европейских делах. Вот та задача, которую нужно снова поставить: необходимо устранить все обстоятельства, которые могли бы дать ей возможность играть какую бы то ни было роль в Европе, с этим двором не следует заключать никаких договоров; пусть она впадет в летаргический сон, из которого ее будут пробуждать только внутренние смуты, задолго и тщательно подготовленные нами» (1762 г.)

15 См. http://www.biblia.ru/reading/new_translations/sinodal2.htm Последнее обращение 4.06.2015

будущего генералиссимуса. Однако решение, связанное с личными качествами человека не подходит для массового применения, - и мифы начинают дополнять друг-друга.

Рассмотрим высочайший манифест от 26 июля 1914 года, выделяя при этом ключевые смысловые метафоры. «Ныне Австро-Венгрия, **первая зачинщица мировой смуты**, обнажившая посреди глубокого мира меч против слабейшей Сербии, **сбросила с себя личину** и объявила войну **не раз спасавшей ее** России. Силы неприятеля умножаются: против России и всего славянства ополчились обе могущественные немецкие державы.» На вопрос «Кто начал войну?» получаем ответ: «На нас напала коварная предательница «из Европ»».

«Но с удвоенною силою растет навстречу им **справедливый гнев мирных народов**, и с несокрушимою твердостью встает перед врагом **вызванная на брань Россия**, верная славным преданиям своего прошлого.» На вопрос «На кого напали?», ответ - «На Родину мирных и справедливых народов».

«Видит Господь, что не ради воинственных замыслов или суетной мирской славы подняли Мы оружие, но, **ограждая достоинство и безопасность** Богом хранимой **Нашей Империи**, боремся **за правое дело**.» А вот на вопрос «Каковы цели войны?» мы не получаем вразумительного ответа. Сказано лишь, что мы боремся за правильное дело и при этом защищаем достоинство и безопасность государства. С безопасностью все довольно просто: безопасность империи означает безопасность граждан империи. Остановимся на «достоинстве гражданина» и даже признаем, что это понятие может быть применимо к социуму и распространено на индивида в силу его формального вхождения в данный социум, ведь мы предпочитаем оказываться на отдыхе в компании цивилизованных европейцев, а не среди «быдловатых русских». Но в таком случае понятие «достоинство» приобретает смысл как относительная и сравнительная величина. С его помощью мы даем сравнительную характеристику массового поведения членов социума, например, «наглые египтяне», или говорим о достатке и культуре небольшой группы лиц, например «достойная фамилия». При этом, если мы наделяем кого-то бóльшим достоинством, значит одновременно мы считаем, что у кто-то другого достоинства меньше. Любопытно, что наделяем мы бóльшим достоинством чаще всего небольшую, известную нам лично группу лиц, а преуменьшаем достоинство у целых народов, например, «чурки», «колбасники», «лягушатники». В любом случае, чтобы слово «достоинство» имело смысл, оценку должны произвести люди, сами обладающие достоинством.

Итак, если выделить смысл текста, то в манифесте о начале Первой мировой войны воспроизведен миф о Большой войне. Коварный Запад опять напал на Родину мирных народов, но мы их защитим. Любопытней всего то, что миф с воодушевлением встречается теми «русскими», кто либо получает свое достоинство в рамках имперской власти, например, дворянство и чиновничество, либо выделяет свое достоинство в рамках имперской жизни, например, купечество и интеллигенция. В первый год войны в армию массово идут энтузиасты, не имеющие военной специальности и часто физически не готовые к тяготам армейской службы, - защитники Родины, не отделяющие своего достоинства от достоинства Империи.. Младшие чины в начале войны разделяют общий миф¹⁶, по крайней мере в плане безопасности. Однако, в чем же выражается коллективное достоинство низших чинов? Обратимся к свидетельствам очевидца, сделанным в первый месяц войны в Восточной Пруссии. «Теперь днем я смог заходить в те дома, которые были пощажены пожаром. Снаружи часто они

16 «Все говорили о предательстве германцев... Что в Тильзите жители попросили устроить базар, в сене привезли пулеметы, поставили их на противоположных концах улицы, где в казармах квартировались наши войска. Подняли тревогу. Солдаты вышли на улицу. И их расстреляли. Говорят, что при этом некоторые бросали ружья и сдавались, но их все-таки расстреливали». *Фадеев Т.Д.* Воспоминания о войне, 1914 - 1915 годы. Жизнь на крови. М., 2014, С. 22 – 23.

казались совершенно нетронутыми. Но внутри я неизменно находил одну и ту же картину полнейшего разрушения и разгрома. Валялась изломанная мебель, разбитая посуда, обломки зеркал. На всем лежала печать дикого, бессмысленного разрушения.»¹⁷ У нас нет свидетельства, оставленного прямым участником подобного действия с описанием, что он при этом думал. Мы можем только констатировать, что коллективная воля русских солдат в самом начале Первой мировой войны выливалась в бессмысленном погроме символов европейской, буржуазной, цивилизованной жизни.¹⁸ Защита своего коллективного достоинства проявлялась в уничтожении символа чужого достоинства. Пока это не распространяется на людей, отношение к пленному неприятелю скорее жалостливое, и таковым в эту войну и останется.¹⁹ Здесь мы хотим обратить внимание на две особенности русской войны. Первая: в некоторых случаях начальство ничего не может сделать с нижними чинами; и Пражская резня, и разгромы в Пруссии происходят спонтанно и против официальных армейских приказов. Вторая: достоинство нижнего чина не связано с цивилизационной миссией Российского государства; русский солдат, безусловно, обладает достоинством, но это его личное достоинство, которое выражается в отношении к нему таких же достойных людей как и он, окопного братства. По большому счету две группы «русских», в рамках существующей мифологии, обладают несвязанными между собой этическими установками. В таком случае, единственной привязкой мифа о Малой войне к мифу о Большой в условиях реальной войны оказываются соображения личной безопасности.

Московское царство 17 века и сменившая ее Российская империя 18–19 веков в народной памяти представлялись достаточно эффективным инструментом обеспечения безопасности и получения преференций от проживания в большой стране. Оканчиваются вторжения в исконно русскую территорию с южных, западных и северо-западных рубежей, происходит заселение южной лесостепи, нижнего Поволжья и нижнего Дона, увеличиваются возможности отхожих промыслов и торговли, развиваются города и элементы западной цивилизованной жизни начинают осваиваться населением. Конечно, за это приходится платить, прежде всего содержанием воюющей современной армии западного образца: с довольно большими потерями личного состава, с ежедневной муштрой, с ее непонятными дисциплинарными взысканиями, с бытовой социальной пропастью в отношениях между офицерским и солдатским составом, с несправедливостью телесных наказаний. Все это русский солдат знает, но пока есть Победа или надежда на Победу, офицер – «свой», а германец – «чужой». Через два с половиной года поражений в Первой мировой войне исчезает не только надежда на Победу, но и иллюзия безопасности, и в какой-то момент отношения в мифе переворачиваются: германец становится нейтральным, а свой офицер – «Чужим».

Если мы посмотрим хронологию Февральской революции, то довольно легко установим очевидный факт – перед нами типичный солдатский бунт. Уникальным в нем является только одно – скорость распространения. В Петрограде для подавления народного бунта сосредоточено более 160 тысяч солдат: учебные роты, гвардейские части, казаки. Утром 27 февраля 600 солдат учебной роты Волынского полка убивают офицера и обращаются к солдатам соседних полков, в течение часа на сторону восставших переходит 20 тысяч, в конце первого дня восставших солдат уже 67 тысяч, в конце второго – 127 тысяч. Переход сопровождается убийством офицеров: только в Кронштадте 1 марта матросы убивают около

17 *Фадеев Т.Д.* Цит. соч. С.16

18 «В первую голову страдали музыкальные инструменты. И зеркала. Если не было времени разрушить всю обстановку, так уж пианино-то разбивали обязательно» *Фадеев Т.Д.* Цит. соч. С.68

19 «Вообще, отношение нашего солдата к неприятельской стороне можно характеризовать как беспощадное, бессмысленное разрушение брошенного имущества и жалостливое, любовное отношение к попавшим в плен людям.» *Фадеев Т.Д.* Цит. Соч. С. 70.

100 офицеров флота. Никакие «большевистские агитаторы» не могут объяснить быстроту распространения революционной идеи. Да и «идея» ли это? Судя по последующим действиям непосредственных участников событий, у участников бунта нет других планов, кроме сиюминутных порывов, поэтому руководство революцией легко перехватывают «левые» партии.

Русская солдатская «вольница», выбирая стратегию своего максимально удобного поведения, в какой-то момент решает, что пространство принятия решения сузилось до «здесь и сейчас», а основной вопрос теперь звучит не «Победа или смерть!», а «Смерть на фронте, или «Смерть посылающим нас на смерть!»» Мы не знаем, что именно говорили фельдфебели и унтер-офицеры Волынского полка старослужащим Литовского, Преображенского, Гренадерского, Измайловского и других полков, и это неважно, скорее всего они не были прирожденными ораторами или народными трибунами. Но этих немногих, корявых слов оказывается достаточно, чтобы вспыхнул русский бунт, по-прежнему беспощадный, но уже не бессмысленный. Мы русские «вольные люди» идем на войну сражаться за Отечество, в которой Вы русские «господа» обязались привести нас к Победе или вернуть назад. Данный контракт действует ровно до тех пор, пока «нам — русским» могут гарантировать хоть какую-то разумную безопасность. Крушение мифа Большой войны приводит к тому, что в местах компактного проживания «мирных народов», входящих в Российскую империю, возникают локальные мифы национальных Родин, а миф Малой войны на основной территории Империи порождает Гражданскую войну.

Мифология русской войны не только объясняет прошлое, она формулирует настоящее и программирует будущее. Участие в Войне дает ответ на вопросы: «Кто такие русские?» и «Чего от них можно ожидать?»

Русские — это мирный народ, который вынужден был вести долгую, тяжелую Войну с противником, покорившим до этого многие другие страны: Ордой, Шведами, кровавым Узурпатором, Англией, Фашистами. Этот противник — сильней, искусней, коварней. Он напал на нас и разбил. Но это поражение — только начало Войны, которая может длиться десятилетия, даже столетия и, в которой в конечном счете, мы все равно победим, потому что на нашей стороне Правда. Поэтому современная война на «Юго-Востоке», — это война не с украинцами, а с США, которые обманом втянули украинцев в новую Большую войну, идущую уже более полувека. Мы не можем в этой войне отступить, потому что это «наша земля», там живут «наши люди» и именно там сейчас решается вопрос о том «быть нам или не быть?» Все лучшие люди страны сейчас здесь, а верхи ведут сомнительную игру и, похоже, хотят нас предать или, выражаясь по-современному, «слить».

А теперь сделаем небольшой эксперимент. Заменим в предшествующем параграфе «русских — украинцами, украинцев — русскими» «Шведов — Польшей», «Кровавого Узурпатора — Московским Царем», «Англию — Советами», а «США — совковой Империей» и мы получим современную украинскую мифологию. Возможно то, что «русские» и «украинцы» в условиях войны конструируют зеркально похожую мифологию — и есть подтверждение того, что, мы действительно братские народы, по крайней мере в процессе мифотворчества.